РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ДЕПАРТАМЕНТА УДЕЛОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К МОЛОКАНСКОМУ ДВИЖЕНИЮ В СРЕДЕ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

ЮЛ. Красникова

В XIX в. в российское общество начали проникать новые либеральные ценности и принципы, одними из которых были свобода слова и свобода совести. Путь принятия этих идей и тем более воплощения их в государственной политике Российской империи был сложным и долгим. Только Манифестом 1905 г. совсем ненадолго были предоставлены эти свободы, в частности свобода вероисповедания. Политика государства в отношении раскольников была неоднозначной и непостоянной, она зависела от внутреннего курса власти, личностных характеристик главы государства и внешних факторов. В XIX в. религиозная политика менялась от правления к правлению, переходила от сдержанного либерализма в отношении неправославного населения к консервативной критике и открытой реакции. В настоящей статье представлен анализ религиозной политики в отношении неправославного населения в Российской империи в первой трети XIX в. на примере религиозного течения молокан в среде удельных крестьян. Необходимо отметить, что данное исследование проводится впервые.

Выбор удельного ведомства неслучаен. Еще император Павел I поставил Департамент уделов в совершенно особое положение, подчинив его непосредственно себе[1]. Делами ведомства император интересовался ежедневно, лично принимая министра уделов с докладом. Созданный в 1797 г. Департамент существовал как обособленное структурное подразделение, а в 1826 г. вошел в состав Министерства императорского двора, сохранив свою самостоятельность. Департамент уделов сразу занял особое место в структуре государственных учреждений Российской империи[2]. Согласно закону «Учреждение об императорской фамилии», целью нового ведомства стало обеспечение денежными средствами членов императорской семьи*. Уделам были переданы бывшие дворцовые земли и приписанные к ним крестьяне, которых стали называть удельными[3]. Для удобства управления и сбора платежей с удельных имений были учреждены экспедиции уделов, преобразованные в 1808 г. в конторы. Местными органами власти были приказы и волости[4].

С первой трети XIX в. в среде удельных крестьян начало распространяться учение молокан, постепенно росло число его приверженцев. Обратив на это внимание, Департамент принял целый ряд мер, направленных на изменение положения крестьян-молокан.

Молоканское движение зародилось в последней трети XVIII в. в среде духоборов". Основателем общин считается Семен Матвеевич Уклейн, бывший православный, который распространял свое учение с 1762 по 1809 г. Сначала православные не различали духоборов и молокан, но в 1805 г. по инициативе С.М. Уклейна были отправлены ходоки к импера-

[1] История уделов за столетие их существования: 1797-1897. Т. 1. СПб, 1901-1902. С. 21.

[2] См.: Учреждение об императорской фамилии. СПб, 1797.

* Все, кроме императора, императрицы, наследника престола и его жены, за которыми сохранилось государственное содержание, обеспечивались из бюджета удельного ведомства.

[3] В 1800 г., когда была составлена генеральная описная книга, в уделах числилось 463 792 крестьянина, в 1836 г. - 595 301. См.: Полный свод законов Российской Империи (далее - ПСЗРИ): Собр. 1. Т. XXIV. СПб, 1830. № 17906. С. 525-569.

[4] Красникова Ю.Н. Образование Департамента уделов // Личность, общество, государство: отношения, права и обязанности: Юбилейная международная научно-практическая конференция (Пушкин, 17-18 декабря 2009 г.). СПб, 2009. С. 207-215.

** Духоборы - религиозное течение, зародившееся в середине XVIII в. в среде православных. Духоборы отвергали внешнюю обрядность, церковную иерархию и пр., но в отличие от молокан большую важность придавали духовному откровению, нежели изучению Библии. В конце XIX в. эмигрировали в Канаду, где сейчас их насчитывается около 30 тыс. человек. На территории Российской Федерации проживают в Центрально-Черноземном районе.

тору с просьбой о даровании им религиозной свободы, которая была удовлетворена. С того момента молокане получили официальный статус. Интересно, что молоканами их назвали православные, «потому, что они не соблюдают установленных Православной Церковью постов, едят в постные дни скоромное и преимущественно молоко»[1], сами же они именовали себя духовными христианами и лишь значительно позднее - молоканами. Так, в 1828 г. раскольники «жаловались, что контора [Тамбовская и Пензенская. - Ю.К.] несправедливо считает их малаканами, и что они суть духовные христиане»[2].

Молокане большое значение придавали чтению Библии, отрицали крещение и миропомазание, исповедь и причащение, священство, законный (т.е. освященный Православной Церковью) брак; не признавали церковных уставов, не призывали в молитве ни ангелов, ни святых, ни самой Матери Божией, обходились без храмов, икон, обрядов «и даже без креста»[3].

В правление Александра I молоканам было выделено место для переселения и совместного проживания в Таврической губернии Мелитопольского уезда, где им было предоставлено 5 тыс. десятин земли. Таврическая губерния была на тот момент не так давно присоединена к Российской империи, поэтому ее следовало осваивать и заселять. Скорее всего, целью переселения было ограничение миссионерской деятельности молокан среди православных христиан, а также облегчение их положения, так как на местах молокан часто притесняли местные власти и жители. Данная мера распространилась на удельных крестьян согласно постановлению Комитета министров от 18 октября 1824 г.[4] Нужно отметить, что Александр I не был сторонником вольнодумства в среде крестьян, хотя сам он был учредителем Российского Библейского общества и неоднократно выделял личные денежные средства на нужды библейского дела в России и распространение Священного Писания[5]. Показателен такой случай: когда в 1823 г. к Александру I пришли ходоки с просьбой защитить их от притеснений и насилия со стороны помещика, который запретил им читать Библию, император просьбу ходоков оставил без удовлетворения, а их самих отправил в Земской суд[6]. Религиозную политику Александра I по отношению к раскольникам мы бы определили как осторожно либеральную, поскольку полной свободы вероисповедания предоставлено не было.

Николай I еще больше ужесточил религиозную политику, в том числе по отношению к молоканам в удельном имении. Православную Церковь император рассматривал «как государственное учреждение, призванное решать общенациональные задачи в земных интересах верноподданных»[7]. В 1837 г. он писал сыну: «Молокане тоже дурная (ноша), с которою тоже постоянные строгие правила необходимы, как и для других. Но они не столь дерзки, ибо чувствуют, что не правы»[8].

Император впервые создал в удельном ведомстве целый ряд специальных правил в отношении крестьян-молокан. До 1826 г. кроме § 180 ст. 3 «Учреждения об императорской фамилии»[9] постановлений о молоканах по удельному ведомству не было, и приходилось пользоваться общими узаконениями, в частности постановлениями Комитета министров. Согласно решению Комитета, крестьяне должны были переселяться в Мелитопольский уезд «в удельную, вновь заведенную деревню Нововасильевку, на отведенный под номером 5 общий для сего селения участок в числе 5000 десятин»[10].

В целях создания собственной правовой базы для решения подобных вопросов Департамент уделов подготовил императору записку с предложением ссылать всех таких крестьян-раскольников в Таврическую губернию на отведенные земли и принять соответствующее решение по удельному ведомству. В ответ в 1827 г. были получены вполне четкие указания Николая 1, изложенные в резолю-

[1] *Суворов П.А.* Семен Матвеевич Уклейн: распространитель и организатор на почве Свяченного Писания молоканских общин в XVIII веке. Баку, 1915. С. 3-4.
[2] Российский государственный исторический архив (далее - РГИ А). Ф. 515 (фонд Департамента уделов). Оп. 1. Д. 36. Л. 122-123.
[3] *Остромысленский Е.А.* Молокане. Орел, 1881. С. 4.
[4] РГИ А. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 116-116об.
[5] См.: *Пыпин А. И.* Российское Библейское Обтпество: 1812-1826// Вестник Европы. 1868. К» 8,9,11.
[6] РГИ А. Ф. 487 (фонд Царскосельского дворцового правления). Оп. 7. Д. 3535. Л. 48-48об.
[7] *ВыгкочкпвЛ.В.* Николай 1. М., 2006. С. 183.
[8] Там же. С. 186.
[9] Согласно статье, местным властям приказано «вразумлять о благочинии церковном, о долге каждого в посечшнии воскресных, праздничных и торжественных дней на службу Божию, и ежегодный в пост исповеди, и по удостоению святых Тайн причатпения» (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIV. СПб, 1830. № (7906. С. 562).
[10] РГИ А. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 116-11 боб.

ции к документу. Крестьян, уличенных в молоканстве, отправлять в рекруты без зачета, если же окажутся не способными к военной службе (а такими причинами могли быть возраст, физические или психические заболевания) - в крепостные арестанты; детей осужденных, мужского пола следовало направлять в военные кантонисты'; а женщин - на поселение на Кавказскую линию или в Сибирь[1]. Отдельно было оговорено, что если в семье раскольников были девочки младше 10 лет, то их следовало оставить у родственников или желавших удочерить, так как они могли «послужить в тягость матерям, которые имеют право вступить на поселении в замужество»[2]. Грудных детей отправляли вместе с матерями на поселение, а после окончания грудного вскармливания в зависимости от пола ребенка его либо определяли в военные кантонисты, либо передавали на воспитание. Согласно распоряжению Департамента уделов от 1827 г., расходы на отправку осужденных ложились на те селения, из которых они отправлялись, хотя в 1827 г. Департамент сам выделил деньги для отправки крестьян к месту ссылки из удельных сумм [л. 31-39, 46-52об.].

Это было суровое наказание: срок службы рекрута составлял 25 лет в чине рядового, поэтому ушедший в армию молодой человек возвращался уже довольно зрелым мужчиной. При этом жизнь в Сибири или на Кавказской линии были полна лишений и трудностей. Однако до места ссылки еще необходимо было добраться, почти пешком. Документы сохранили свидетельства о том, что крестьяне зачастую погибали по пути в ссылку [л. 133-137об., 145-147об.]. Участь кантонистов также не была завидной. Известны случаи, когда матери бросали своих грудных детей под копыта лошадей, лишь бы их дети не оставались в военных поселениях из-за жесткой регламентации там всех сторон жизни. По мнению законодателей, страх перед таким наказанием должен был вернуть раскольников, особенно «сомневавшихся», в лоно Православной Церкви.

Для более «стойких» в вере самым трудным испытанием была разлука с родными и близкими, ведь резолюция императора разлучала мужа и жену, родителей и детей. Так, крестьянин Оренбургской удельной конторы Федор Криволев, осужденный за молоканство, убежал из-под ареста и, по его словам, отправился лично к императору, чтобы просить не разлучать его с семьей, а отправить в ссылку всем семейством [л. 130-131].

В правовой норме было четко указано, что резолюция 1827 г. касалась только удельных крестьян. Так, по делу 1827 г. проходили крестьяне казенного и удельного ведомств, и в решении было сказано: с удельными крестьянами поступить согласно решению императора, а с казенными - Министерства внутренних дел[3].

Интересно, что Министерство императорского двора" вторично подготовило доклад императору, в котором, ссылаясь на постановление Комитета министров от 1824 г., все же предлагало высылать удельных крестьян, как и молокан из других сословий, в Мелитопольский уезд к единомышленникам. Однако по отношению к крестьянам-молоканам удельного ведомства император остался непреклонен, поставив на документе повторную резолюцию: мужчин, заподозренных в ереси, отдавать в рекруты, а неспособных к службе отправлять в Сибирь; детей отдавать в кантонисты, женщин ссылать в Сибирь[4].

Все это привело к серии проверок по удельному ведомству на наличие приверженцев молоканства. В 1827 г. управляющим всех контор было отправлено указание: пересчитать молокан и направить отчет в Департамент. В ряде регионов молокан во-

* Кантонисты - малолетние и несовершеннолетние мальчики, передававшиеся на воспитание в военное ведомство. Там их обучали в специальных школах, где на первое место была поставлена подготовка к военной службе. Толчок к возникновению такого социального института дало появление в России военных поселений. Первоначально в кантонисты поступали дети военных либо сироты. Так, например, число кантонистов значительно увеличилось после Отечественной войны 1812 г. В течение всего царствования Николая I число кантонистов постоянно увеличивалось. Кроме солдатских детей на основании постоянно издававшихся постановлений в кантонисты направлялись сыновья бедных жителей Финляндии и цыган, там кочевавших; польских мятежников, шляхтичей, не доказавших свое дворянство; раскольников; беспризорных детей и малолетних евреев-рекрутов. Институт кантонистов был тесно связан с крепостным правом. Рекруты, выходя из крепостной зависимости, поступали со всем своим потомством в подчинение военного ведомства. Именно поэтому уволиться из звания кантонистов было крайне сложно. Наименование «кантонисты» впервые появилось в 1805 г. и сохранялось до 1856 г.

[1] РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 115.

[2] Там же. Оп. 12. Д. 568. Л. 31-39, 46-52об. Ссылка на материалы данного дела приводится в тексте статьи в квадратных скобках

[3] Там же. Оп. 1.Д.35.Л. 115.

** Министр Департамента уделов совмещал эту должность с должностью Министра императорского двора.

[4] РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 116-116об.

обще не оказалось, об этом рапортовали Санкт-Петербургская, Нижегородская, Вологодская, Архангельская, Владимирская, Симбирская, Тверская, Саратовская, Казанская, Вятская, Орловская удельные конторы. В Костромской удельной конторе молокан также не оказалось, зато были обнаружены приверженцы поморской секты [л. 90-90об.]. Лидером стал центральный регион: только в Тамбовской и Пензенской конторах выявили 1242 приверженца молоканского учения.

Осужденных на ссылку арестовывали, заковывали в кандалы, а иногда, когда в деревне не было кузнеца, - в «конские железа» [л. 111-117], после чего доставляли в Земскую полицию, иногда снабжая «приличною зимней и летней одеждой». Обычно для «лучшего в пересылке наблюдения» у осужденным был командирован чиновник, например приказной заседатель, которому и вручали деньги на дорогу и еду [л. 56-92]. Чиновник сопровождал осужденных не весь путь, а до ближайшего крупного центра.

Правда, случались и побеги их из-под ареста. Так, крестьян Оренбургской удельной конторы, арестованных до отправки в ссылку, отпустил из-под стражи местный начальник от удельных крестьян Лукьян Иванов по их «убедительной прозьбе» [л. 111-117]. Один из беглецов был вскоре пойман с поддельными документами по пути в Симбирск, арестован и доставлен в Земской суд [л. 130-131]. Случалось, что крестьяне не доходили до места ссылки, а «терялись» в пути. Так, в 1828 г. два человека не дошли до Таврической губернии были объявлены в розыск [л. 182-182об.]. В розыске также находился Сидор Парфенов с женой, которому изменили меру пресечения с поселения в Таврической губернии на рекрутство или ссылку в Сибирь [л. 186-187, 192-195].

Конечно, крестьян об изменении законодательства и меры пресечения за исповедание молоканства не предупреждали, поэтому они довольствовались слухами. Так, крестьянин Оренбургской удельной конторы узнал от «духоборцев... что молокан ссылают или в Сибирь или на Кавказскую линию» [л. 130-131].

Вопрос имущества осужденных решали следующим образом. Если крестьянина переселяли к единомышленникам, то имущество продавали, а деньги переправляли ему к новому месту жительства. Если же крестьянина осуждали на ссылку или военную службу, то имущество передавали наследникам (из православных) или мирскому обществу для уплаты до переписи податей и сборов. Иногда Департамент разрешал передать часть средств для ссыльных в качестве «вспоможения им». В 1828 г. Департамент уточнил, что право наследования имеют только те из родственников, которые находятся в ведении уделов, родственники же других ведомств права наследования лишались [л. 133-137об., 145-147об.]. Однако все решения по имуществу должны были проходить через Министерство императорского двора[1].

Департамент уделов неоднократно рассматривал просьбы крестьян о возвращении их из мест ссылки домой. Они, раскаявшись, писали, что «чрез понесенную меру наказания чувствуя заблуждения свое, отверглись учения малакан, и изъявили желание навсегда обратиться к православной церкви» [л. 160—161об.]. Резолюции на таких просьбах могли быть разными. Одних крестьян, в основном осужденных на поселение, прощали и возвращали домой, других же оставляли на месте ссылки, в основном тех, кто попал на военную службу [л. 160-161об.].

Наличие раскольников привело к изменениям и в сфере образования в ведомстве. Уже в 1828 г. при организации во всех удельных имениях сельских училищ в программе обучения помимо письма, чтения и арифметики обязательно был Закон Божий, так как «не знание догматов Православной веры не мало способствовало распространению раскольнических ересей»[2].

Процедура вынесения решений по делам о молоканах, основанная не на общей практике, а на внутренних законах Департамента уделов, привела к межведомственным разборкам и взаимным обвинениям. В 1828 г. Министерством внутренних дел было вынесено решение по делу Пензенских молокан: 20 человек «упорствующих переселить в Таврическую губернию», так как они вновь отпали от Церкви и уже «не внимали ни каким убеждениям духовного начальства»[3]. Пока Пензенская удельная контора списывалась с Таврической и Пензенской казенными палатами и делала распоряжения об отправлении крестьян, Пензенское губернское правление уведомило, что вследствие высочайше

[1] Тамже.Оп. 12. Д. 513. Л. 130-136, 139-139об., 147-Шоб.
[2] Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 133-133об.
[3] Там же. Д. 36. Л. 122-123.

утвержденного определения Комитета министров изменена мера наказания с высылки в Таврическую губернию на рекрутчину и ссылку в Сибирь. Получалось, что по делам одних и тех же людей были вынесены два разных решения. Департамент уделов обвинил в неосмотрительности Министерство внутренних дел, «которое производя следственное, а потом и уголовное дело», не поставило в известность удельные власти. Дважды дело выносили на обсуждение Комитета министров, но ни разу об этом не ставили в известность Департамент уделов; «...сие тем более удивительно, что со времени образования Министерства императорского двора, все части в составе оного вошедшие, стали изъяты из под влияния комитета». Было решено уведомить Министерство внутренних дел о том, что все дела по удельному ведомству необходимо вести только через Департамент уделов. В итоге привели в исполнение резолюцию императора от 1827 г., т.е. крестьян отправили в ссылку[1].

Центральные органы управления увидели главную проблему распространения раскольничества, в том числе молоканства, в том, что церковные служители не исполняли своих обязанностей должным образом. Именно им на основании «Учреждения об императорской фамилии» следовало заботиться о нравственности в удельных селениях, т.е. исповедании православия, поэтому священнослужители и удельные власти использовали все методы для возвращения раскольников в лоно Православной Церкви. Во всех случаях духовная консистория сначала проводила беседу с молоканами, а только потом «наиболее упорствующих» наказывали по суду. Помимо уговоров и вполне мирных средств применяли и меры принуждения, и устрашения, пугали карой Божией, а когда это не помогало - трудностями ссылки или военной службы, разлукой с близкими и т.п. Некоторые не выдерживали прессинга и переходили обратно в православие, одни - ради себя, другие - ради детей и близких. Вновь влившимся в Православную Церковь вменялось в обязанность точное исполнение предписанных церковных правил, за чем неусыпно должны были следить местные и духовные власти.

Приведем в пример историю одной семьи, которая является довольно характерной. Осенью 1827 г. неповиновение духовным властям оказана семья Кирилла Гаврилы Суслина. Его жена Агафья Павлова, дети Михайло, Андрей, Осип, Парамон, а также брат Иван с женой и двумя детьми и сестра Лукерья были осуждены за принадлежность к молоканской вере и то, что «несмотря ни на какие увещевания не обратились к прежнему православию». Кирилла Суслина и его брата Ивана рекрутировали, сына Кирилла Михайло по молодости лет и малому росту отправили в крепостную работу в Херсонесское губернское правление. Малолетние сыновья Суслина Андрей, Осип и Парамон, а также дети Ивана Ефим и Василий были определены в военные кантонисты. Жена Кирилла Суслина Агафья Павлова, жена Ивана Агафья Афанасьева и сестра их Лукерья были отправлены на поселение в Сибирь в Тобольский приказ. Двух малолетних девочек было решено отдать на воспитание родственникам или посторонним людям. Соборный священник Ефим Дьконов, находясь в тюремном замке, навестил жен заключенных, после чего они согласились вернуться в лоно Православной Церкви вместе с детьми, на что дали письменное согласие. Вопрос был вынесен на обсуждение Государственного Совета, который определил, что «помещик, расположившись простить удаленного им за дурное поведение человека, может потребовать его и возвратить опять в свое владение», если определение губернского правления еще не составлено или не приведено в исполнение. Однако Департамент уделов запретил менять распоряжение на том основании, что оно уже было приведено в исполнение, а также ссылаясь на мнение полиции: «посылаемых в Сибирь арестантов, ни под каким предлогом, кроме больных не останавливать и не входить, ни в какие переписки»[2]. В данном случае осужденные уже были высланы, однако зачастую раскаявшихся оставляли на месте под надзором светских и духовных чинов.

Согласно отчету исполняющего обязанности управляющего Пензенской удельной конторой из села Михайловска, были осуждены 9 семейств молокан: 8 человек были отданы в рекруты без зачета, 8 отправлены в крепостные арестанты, 12 крестьян мужского пола (в возрасте от 10 до 18 лет) - в батальон для прохождения военной службы, 12 мальчиков (4-9 лет) направлены в военные кантонисты, 6 мальчиков (2-5 лет) переданы на попечение батальонного командира, 2 ребенка (6 месяцев и 5 недель) были отправлены с матерями в Сибирь, так как находились на грудном вскармливании (в

[1] Там же. Л. 162-162об.; Оп. 12. Д. 513. Л. 80-101 об.
[2] Там же. Оп. 12. Д. 514. Л. 32-42.

дальнейшем они должны были быть переданы в военные кантонисты), 42 женщины (жены и дочери осужденных) отправлены на поселение в Тобольск[1].

Приверженность молоканской вере разделяла семьи не только в ходе судебных решений и сурового наказания, она приводила и к предательствам внутри семьи. Так, в деле Якова Завгороднева лишь один из трех родных братьев пытался спасти его от ссылки, остальные свидетельствовали против него[2].

Священнослужители после постоянных напоминаний со стороны Департамента уделов все чаще отправлялись в деревни и села в сопровождении местного начальства для увещевания раскольников. Так, в 1828 г. после приезда священника в Пензенскую удельную контору 128 молокан после «увещевания перешли в православие»[3].

Иногда местные чиновники действовали самостоятельно. В 1826 г. в Саратовской губернии из 66 раскольников после приезда совета следователей и удельного стряпчего в православие обратились 65 человек, «остался непреклонным к обращению в правоверие один только крестьянин Фатий Никифоров»[4]. С ним еще раз серьезно поговорили в удельной конторе, после чего крестьянин признался, что был вовлечен в молоканство по недоразумению, но во всем раскаялся и хочет «решительно» обратиться к православию. За своего сына просил и отец осужденного, который через соборного священника прислал соответствующее письмо. Духовное правление устроило испытания «в истинности раскаяния» и пришло к выводу, что в ересь осужденный был вовлечен лжеучителями, а ныне раскаивается и «желает быть присоединенным к православной Церкви, свидетельствуя Богом в чистоте намерения своего, сердце же его знает один Бог, а потому в правоте обращения его духовное правление уверить совершенно не может». Крестьянин был отпущен под расписку отца домой вместе с семьей под наблюдение местного начальства и духовенства[5].

Механизмы «увещевания» молокан служителями Церкви и представителями властей часто приводили к нужному результату, но не всегда надолго. Так, крестьянин Саратовской удельной конторы Яков Завгоднев дважды переходил в православие, однако при этом активно проповедовал молоканское учение среди односельчан. Он и в третий раз «раскаялся», но тут уже духовная консистория проявила чудеса прозорливости и пришла к выводу, что не раскаялся вовсе, а «один страх связывает язык его». Сам же он «редко ходит в воскресные и праздничные дни в церковь, но каждое воскресение и праздничный день читает в доме своем Библию и толкует оную другим к нему собирающимся, что все явно показывает состояние его в молоканской ереси, имеющей Святую Библию прикрытием без законных толкований своих, иначе чтобы препятствовало ему в сии дни ходить в церковь и поучаясь догматам ее заниматься изъяснением Божественного Писания в присутствии священника»[6].

В феврале 1828 г. протоирей Пензенского кафедрального собора Федор Островидов свидетельствовал, что удельный депутат коллежский регистратор Иван Мелисов, командированный для содействия к обращению в православную веру удельных крестьян с. Покровского, обратил в веру христианскую 128 человек (27 из них были «окрещены»)[7]. Молокане Иван Парфенов, Осип Парфенов, Иван Петрев, «явясь в приказ письменно объявили, что они по убеждению протоирея Островидова хотя и приняли христианскую веру, но ныне не имеют усердия к оной обратились опять в малаканскую секту, которую никак оставить не могут»[8].

Православные священники практиковали и направление молокан в монастыри для наставления в вере. Так, в 1826 г. Яков Федоров, Семен Савельев и Данила Иванов были направлены в пензенскую духовную консисторию, а оттуда - в Спасо-Преображенский монастырь к настоятелю архимандриту Матвею. Все раскаялись, а Яков Федоров обещал обращать в православие прочих раскольников. Вскоре, впрочем, он перестал ходить в православную церковь, поклоняться иконам и «приобщаться святым тайнам».

В 1830 г. в монастырь было решено направить крестьянина с. Покровского Родиона Иванова: «... будучи два раза обращен из малаканской секты в христианскую веру; наконец решительно рассудил

[1] Там же. Д. 513. Л. 130-136, 139-139об., 147-147об.
[2] Там же. Д. 514. Л. 29-30.
[3] Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 122-123.
[4] Там же. Оп. 12. Д. 514. Л. 1-2.
[5] Там же. Л. 20-26.
[6] Там же. Л. 29-30.
[7] Там же. Д. 513. Л. 33-38.
[8] Там же. Л. 46-48.

со всем его семейством... отступить в малаканскую секту, без возврата в православие». Вместе с ним в монастырь были отправлены 8 членов его семьи. В итоге крестьянина с женой сослали, а родственники его год прожили в монастыре[1].

Помимо возвращения «отпавших» любыми методами молокан на местах жительства всячески притесняли и местные власти, и местные жители: не только в бытовом плане, но и психологически на них оказывали давление вплоть до оскорблений и унижений. Так, в Министерство императорского двора на имя министра поступила жалоба от удельных крестьян с. Покровского Пензенской губернии, исповедовавших молоканскую веру, через доверенных крестьян Трофима Анисимова и Давыда Федорова. «По неизвестным им причинам» все тот же протоиерей Пензенского собора Федор Островидов, депутат Иван Ефимов, голова Федор Наумов и сельский староста Гаврила Матвеев притесняли их, били и, наконец, последний, находясь «по большей части в пьяном виде, снимал с них платье и пропивал оное в питейных домах»[2].

В архивах зафиксирован и такой случай: при переселении молокан из Тамбовской удельной конторы в Таврическую губернию деньги за проданное имущество «неизвестно кому» достались[3]. Несмотря на официальную просьбу отыскать пропавшую сумму, межведомственная переписка закончилась ничем, хотя законом был предусмотрен контроль местных властей за движением средств[4].

В 1826 г. крестьяне-молокане деревень Георгиевки и Максимовки Оренбургской удельной конторы свидетельствовали, что местные жители их притесняют, «имея ненависть в содержаемой нами молоканской секте». Односельчане не давали им ни положенного количества пахотной земли, ни сенных покосов, ни леса для постройки дома. Это привело крестьян в разорение, они не смогли платить подати и, «опасаясь за неплатежи от начальства наказания», были вынуждены бежать [л. 1-4]. Когда крестьяне вернулись, односельчане отказались их принимать и делали все для их выживания. Конфликт удалось решить только путем переселения крестьян-молокан в Таврическую губернию по личному ходатайству управляющего Оренбургской удельной конторой, хотя по закону беглых крестьян ждала ссылка.

Нарушались и гражданские права крестьян, перешедших в молоканство. Согласно п. 6 Духовного регламента, «по всей России никого от раскольников не возводить на власти, не токмо духовные, но и на гражданские, даже до последнего начала и управления, чтобы не вооружать нам на нас же лютых неприятелей и государству и государю, непрестанно зло мыслящих»[5]. Крестьяне-молокане не могли быть свидетелями по судебным и межевым делам, так как по указу от 1722 г. «...от раскольников свидетельства ни какое правоверное лице не принимает»[6]. Для этих целей они были вынуждены за личные средства нанимать православных крестьян. Исключительность положения приводила к тому, что оплата подобных услуг постоянно росла, особенно в тех селах, где православное население было в меньшинстве.

Согласно постановлению Министерства внутренних дел от 1820 г., молокане не могли быть избранными в должности. Так, если православных в деревне было мало, то в виде исключения разрешалось назначать некоторых из раскольников, но только тех, которые признают священство, а при отсутствии таковых - которые «молятся за Царя и вступают в брак», однако при условии, что не хватает крестьян из православных или старообрядцев. Представителей других раскольников, которые «не признают священства, не молятся за Царя, не вступают в брак, в том числе молокан, субботников, духоборцев, скопцов и других, подобных не избирать в общественные должности»[7].

Прецеденты назначения молокан на некоторые общественные должности в удельном ведомстве были. Так, в Саратовской удельной конторе в деревне Тяглое озеро подавляющее большинство жителей были молоканами, православные крестьяне составляли меньшинство, поэтому, согласно закону, все они были заняты отработкой общественных должностей и совсем не имели возможности быть на поле. Молокане эту работу оплачивали, но ни право-

[1] Там же. Л. 164.
[2] Там же. Л. 142-Шоб.
[3] Там же. Оп. 1. Д. 178. Л. 119об.
[4] См.: Красникова Ю.Н. Коррупция в Департаменте уделов и борьба с ней в первое 30-летие XIX в. // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб; 2010. С. 54-66.
[5] ПСЗРИ: Собр. 1. Т. VI. С. 342.
[6] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 573. Л. 1-21.
[7] Там же.

славных крестьян, ни молокан такое положение дел не устраивало, и они обратились в Департамент уделов с просьбой разрешить поделить обязанности. Было решено, что православные крестьяне будут исполнять в этой деревне выборные должности по селению, т.е. обязанности старосты, сборщика, десятских, понятых, лесных и пожарных смотрителей, а также свидетелей по судебным и межевым делам, а такие повинности, как караул по селению и другим местам, дача квартир для проезжающих по казенной надобности, отправление подвод, можно было доверить и молоканам. Обязательным условием реализации такого решения было составление мирского приговора[1]. Существовало еще одно исключение из общих правил: крестьяне-молокане могли занимать выборные должности в тех селах и деревнях в Таврической губернии, куда они переселялись и где совсем не было православных. Правда, там контроль со стороны властей был более жестким.

Крестьянам-молоканам также ограничивали отлучение с места жительства, например на ярмарки для продажи сельскохозяйственной продукции или на заработки. Главной причиной такого запрета был страх, что молоканское учение станет распространяться. В 1826 г. в отношении помещичьих крестьян Комитет министров принял решение, чтобы раскольникам паспортов не давать, вообще не позволять отлучаться или только с разрешения Земской полиции, «дабы сим способом затруднить сколько возможно всякое сообщение их с православными жителями». В 1830 г. эта мера была перенесена решением Департамента уделов и на крестьян удельного ведомства. Так, например, крестьянам с. Астраханки Воронежской удельной конторы, потерявшим почти весь урожай, было отказано в выдаче паспортов для отхода на заработки[2]. Однако не все раскольникам запрещалось покидать места жительства - старообрядцам было разрешено отлучаться, но на меньший, чем для православных крестьян, срок - 3 месяца.

Тем не менее, несмотря на запрет паспорта для молокан, Земской суд продолжал давать билеты для отхода целым семействам удельных крестьян для поездок на ярмарки и в портовые города, продажи собственных продуктов и пшеницы, не спрашивая разрешения у удельных властей. Но и это Департамент вскоре поставил под свой контроль. С 1832 г. Земской суд мог выдать отходной билет только после предъявления крестьянами письменного свидетельства от удельных властей[3]. Естественно, крестьянин-молоканин не мог получить такого свидетельства, поэтому практически не имел возможности покидать свое место жительства.

Злоупотребления со стороны местного начальства случались и при сборе налогов. Сборщики могли ворваться в дом и фактически все в нем перевернуть, потом «хвастаясь» в отчетах, что нашли «при сборе налогов» крестьянские тайники[4].

Не только удельные власти и местные жители, но и представители гражданской службы злоупотребляли своим положением и притесняли молокан. Так, Мелитопольский Земской суд отдал молоканскому старосте приказ о подчинении суду и предоставлении отчетности. «Суд... строго предписывает тебе, чтобы ты своему начальству отчеты во всякое время без промедления доставлял», чтобы не выходил из повиновения и подотчетности под опасением «ответственности по законам». Староста оказался грамотным, поэтому эти угрозы направил в Департамент уделов согласно своей подведомственности. В ответ на это в 1833 г. Министерство императорского двора через Министерство внутренних дел как высшую власть для Земского суда напомнило: «...все что касается удельных крестьян находится только в ведении Департамента, и требовать отчетности не имеет права, только выдача видов для отлучек находится введении Земского суда»[5], да и то, как было указано ранее, только с разрешения удельный властей.

Местные власти с. Астраханки в обход удельного начальства заставляли молокан помимо уплаты обязательных сборов и повинностей содержать «нарочного человека при Нововасильевском сельском управлении» и участвовать «в найме троеконной подводы для посылки в Мелитопольский Земской суд за билетами на отлучку». Департамент признал это превышением полномочий местных чиновников и разрешил этих сборов не уплачивать[6].

Конечно, наиболее опасными для властей были активные жители-молокане, именуемые «у них

[1] Там же.
[2] Там же. Д. 563. Л. 9-1 боб.
[3] Там же. Л. 21-24, 35-36об.
[4] Там же.
[5] Там же. Л. 40, 64-65.
[6] Там же. Л. 21-24, 35-36об.

вождями»[1], проповедниками, а также «наиболее упорствующие». При составлении списков молокан таких крестьян особо помечали[2]. Их могли перед ссылкой наказать 50 ударами розгами, месяц держать в смирительном доме для устрашения остальных[3].

Несмотря на суровость закона, в некоторых случаях молокане все же имели возможность переселиться в Таврическую губернию. В 1829 г. 66 крестьян с. Покровского попросились на переселение, но было решено оставить их на местах, а переселить только «именуемых у них вождями»[4]. Также оставили с единомышленниками удельного крестьянина, проживавшего в Таврической губернии по плакатному паспорту и имевшего разрешение мира на переселение. Согласно резолюции, просьба была удовлетворена, так как крестьянин не был признан «упорнейшим»[5].

Итак, удельные крестьяне, исповедовавшие молоканскую веру, в рассматриваемый нами период могли подвергаться следующим наказаниям:

1) оставлению на месте жительства под надзором местных органов духовной и светской власти;

2) отправлению на «перевоспитание» в различные церковные учреждения;

3) переселению к единомышленникам;

4) наказанию и осуждению, в том числе разлучению с семьями.

Кроме того, крестьян всячески притесняли на местах жительства духовные чины, удельные власти, местные чиновники и односельчане.

Однако, несмотря на все «увещевания», количество приверженцев росло. Причину этого определил управляющий Оренбургской удельной конторой, который сам выехал на место для расследования. Он писал, что молокане ведут «жизнь скромную», имеют «трудолюбивое богомолье», именно это усердие и привлекает православных к ним, и они имеют «самопроизвольную к их секте преклонность». Он отмечал, что молокане оплачивают повинности без «малейшей остановки», даже несмотря на то что односельчане не допускают их к хлебопашеству [л. 7-19].

Чем же молокане были опасны? Они были надежными налогоплательщиками, крепкими хозяйственниками, о чем свидетельствуют документы о продаже имущества, не употребляли спиртных напитков, имели крепкие семьи, часто были грамотными, так как читали Библию. Проблема заключалась в том, что в стране не были реализованы гражданские свободы.

Религиозная политика в отношении раскольников была не однозначной и развивалась, переходя от ограниченного либерализма к реакции. Часто под воздействием внешних факторов императоры были вынуждены идти на некоторые уступки, которые воспринимались как объявление свободы вероисповедания. Так, в 1905 г. в день празднования молоканами памятной даты они получили от императора и императрицы поздравления, а на празднике присутствовал лично наместник Его императорского Величества на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков. Великий князь Михаил Николаевич писал: «Сердечно благодарим общество Тифлисских молокан за теплый привет, буду завтра в молитвенном общении с вами, поздравляю с памятной годовщиной и желаю обществу дальнейшего процветания и благополучия»[1].

На деле религиозной свободы в полном смысле этого слова в России не было никогда. Сначала притесняли неправославных, позже, в Советском Союзе, - верующих вообще. В истории неправославных вероисповеданий с момента их появления периоды притеснений сменялись периодами открытых гонений. Такое положение привело к обособлению верующих и даже формированию со временем отдельных субкультур. Нетолерантная религиозная политика XIX в. в итоге привела к массовой эмиграции, в том числе молокан.

© Красникова Ю.Н., 2011

[1] Там же. Д. 513. Л. 1.[5]й–156об.
[2] Там же. Л. 39-43об.
[3] Там же. Л. 20-32.
[4] Там же. Л. 154–156об.
[5] Там же. Л. 170-172об.
[6] *Суворов П.А.* Указ. соч. С. 11-12.